

## КОММЕМОРАТИВНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ В. М. ШУКШИНА

*Т. А. Богумил*

**Ключевые слова:** некролог, образ, мотив, В. Высоцкий, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Р. Рождественский.

**Keywords:** obituary, image, motif, V. Vysotsky, A. Voznesensky, E. Yevtushenko, R. Rozhdestvensky.

DOI 10.14258/filichel(2022)4–08

Смерть человека «оцельняет» его судьбу, создавая условие для превращения реального лица в персонажа художественного высказывания. В том случае, если уход внезапен и, по слухам, насильственен, а ушедший — личность известная, возникает лавинообразный поток коммеморативных реакций, сплачивающих общество в едином скорбящем порыве. Неожиданная смерть В. М. Шукшина в расцвете творческой славы и народной любви получила эмоциональный отклик в различных сферах: в средствах массовой информации было опубликовано более 10 некрологов (В. М. Шукшин..., 2018, с. 166); память о Шукшине была увековечена созданием Всероссийского мемориального музея-заповедника, ежегодным проведением Всероссийского фестиваля «Шукшинские дни на Алтае», мероприятиями музеев и библиотек; образ Шукшина создавался в различных видах изобразительного искусства (скульптура, живопись, графика, фотография и пр.), в киноискусстве [Огнева, 2009], в песнях (В. М. Шукшин..., 2018, с. 500–515), в стихах и прозе. Фундаментальный справочный труд «В. М. Шукшин: биобиблиографический указатель» (2018), в который вошли источники за 1958–2017 гг., включает список художественных произведений о Шукшине, состоящий из более 200 публикаций (В. М. Шукшин..., 2018, с. 483–499). Литературная шукшиниана представляет определенный интерес для научного исследования. Первыми шагами в этом направлении можно считать статьи об образе Шукшина в критических и публицистических работах сибирских прозаиков [Каминский, 2009], а также в стихотворениях кемеровских [Карпова, Инякина, 2014] и алтайских поэтов [Завгородняя, 2021].

Наиболее репрезентативными произведениями о писателе, как видится, являются художественные некрологи. Данный тип поминальных текстов, по сути, является разновидностью литературного портрета, от-

личаясь лишь приуроченностью к дате кончины человека, тогда как особенности структуры и поэтики во многом идентичны [Громова, 2008, с. 113; Картаусова, 2010, с. 93]. Подобно всем жанрам мемуаристики, литературный портрет-некролог объектом высказывания делает личность современника, чей образ выстраивается автором при помощи отбора и монтажной компоновки наиболее ярких и / или типичных фактов [Громова, 2008, с. 108].

В центре внимания настоящей статьи — мемориальные тексты крупных поэтов, в которых на высоком художественном уровне и максимально концентрированно создан образ знаменитого современника. Это написанные непосредственно на факт смерти 2 октября 1974 г. стихотворения «Памяти Василия Шукшина» В. Высоцкого, «Памяти Шукшина» Е. Евтушенко, «Смерть Шукшина» А. Вознесенского и «Памяти Василия Шукшина» Р. Рождественского. Обладая большими, нежели у менее популярных авторов, возможностями широкой публичной трансляции, данные произведения имели все шансы стать прецедентными для последующей мемориальной лирики о Шукшине. В отличие от сибирских писателей, для которых в личности и деятельности земляка важен региональный аспект, столичные авторы акцентируют географическую универсальность — всероссийское и мировое значение Шукшина. Понятно, что подобный масштаб охвата аудитории был в первую очередь связан с актерским и режиссерским дарованием Шукшина и лишь во вторую — с его писательскими реализациями. Соответственно, в первых литературных некрологах образ Шукшина моделируется с опорой на кинофильмы, которые он создавал и в которых снимался.

Стихотворение «Памяти Василия Шукшина» В. Высоцкий написал 3 октября 1974 г. (Владимир Высоцкий, 2012, с. 73). Текст был опубликован значительно позже, в 1978 г., в самиздатовском альманахе «Метрополь», хотя магнитофонная запись с единственным допечатным исполнением этой песни к тому времени «случайно разбрелась» [Крылов, Кулагин, 2010, с. 270]. Авторская песня часто пишется на злобу дня и в своей привязке к актуальному информационному поводу перекликается с публицистическими жанрами [Кадочникова, 2018, с. 49]. В рассматриваемом случае с некрологом, что предполагает наличие краткой биографии умершего, данных о его работе и достижениях, о причине смерти и месте похорон, а также завершающих слов скорби [Тертычный, 2000, с. 88]. Художественный некролог, по сравнению с официальным, как правило, отличается усилением авторского начала, описательностью и образностью [Громова, 2008, с. 112–113]. Все обязательные

элементы жанра присутствуют в окончательном варианте текста Высоцкого (см. обзор вариантов в: [Новиков, 2014, с. 120–123]).

В песне главные достижения Шукшина связаны с его фильмами. Гибель героя «Калины красной», Егора Прокудина, которого воплотил Шукшин, суеверными людьми читается как неосторожная игра со смертью, спровоцировавшая реальную трагедию. Мифологическое, детское, нутряное неразличение знака и означаемого оставляет лазейку для иного варианта судьбы: «*Пересними! Перепиши! / Переиграй! Останься живым!*» (Владимир Высоцкий, 2012, с. 72). Но здравый смысл делает такую перспективу невозможной. Текст песни центонно соединяет заглавия узнаваемых фильмов режиссера: «Печки-лавочки» и «Живет такой парень» («*Все — печки лавочки, Макарыч, / Такой твой парень не живет!*» (Владимир Высоцкий, 2012, с. 72), «Ваш сын и брат» («*Такой наш брат ушел во тьму*»; с. 72), «Калина красная» и не снятый «Разин». Символические образы песни — калина, береза, баня — отсылают к ключевым мотивам шукшинского мира. Шукшин представлен не только как режиссер («*Пересними!*»), актер («*Переиграй!*»), сценарист («*Перепиши!*»), но и как «скуластый» гитарист («*Спусти колки, ослабь зажимы*») (Владимир Высоцкий, 2012, с. 72) с непростыми отношениями с алкоголем («*тверез*», «*загул*», с. 73). Эти детали указывают на самоотождествление барда с безвременно ушедшим талантом: «...*прощание с Шукшиным было для Высоцкого своеобразной репетицией собственного ухода из жизни*» [Новиков, 2014, с. 121]. Действительно, и личностные, и творческие проявления двух художников обнаруживают системные переключки [Ничипоров, 2004].

Центральный мотив стихотворения Высоцкого — пророческое тождество экранной и реальной смерти — возникает и в поэтическом некрологе А. Вознесенского «Смерть Шукшина», опубликованном в 1975 г.: «*Он свою удивленную смерть / предсказал всенародно в картине*» (Андрей Вознесенский, 2001, с. 27). В стихотворениях почти совпадает описание рокового события, причем подчеркивается принципиальная разница между игрой и действительностью. Ср.: «*Но успокоился всерьез, / Решительней, чем на экране*» (Владимир Высоцкий, 2012, с. 72) и «*Называется не экран, / если заживо падают наземь*» (Андрей Вознесенский, 2001, с. 27). Каталог ролей и фильмов Шукшина, приведенный первым автором, у второго «свернут» до архетипической для Шукшина фигуры Разина. Акцент у обоих поэтов поставлен на неосуществленности замысла: «*А был бы „Разин“ в этот год!*» (Владимир Высоцкий, 2012, с. 72) и «*Если б Разина он сыграл*» (Андрей Вознесенский, 2001, с. 27). Известно, что в устных выступлениях Вознесенский читал еще одну стро-

фу, где упоминалась лейтмотивная для литературного портрета Шукшина калина: «Хоронила Москва Шукшина. / В красных пятнах кинокартины. / Для Марины была бузина, / для него обернулась калиной»<sup>24</sup>.

Обозначенные совпадения, конечно, свидетельствуют не о вторичности, а об интертекстуальной отсылке позднейшего текста к прецедентному. Тем более что помимо сходства наблюдается разность — иной поворот темы. У Высоцкого снималась оппозиция «я — он», тогда как у Вознесенского на первый план выходит не личное, а общественное: исчезает традиционное противостояние столицы и периферии («Хоронили в Москве» и «В каждом городе он лежал»), индивидуума и народа (зябнет «он» и «страна»), домашнего, интимного и природного, универсального («край как дом», «Байкал, словно зеркало в доме покойника») (Андрей Вознесенский, 2001, с. 27].

В последующей мемориальной поэзии о Шукшине образно-мотивный комплекс, заданный Высоцким и Вознесенским, становится *loci communes*. Например: «Затухает экран. Тишина. / Жизнь и труд обрываются сразу...» (С. Ботвинник); смерть «Достала тайным ножиком, / Как те — в кино, / Где жил и умер тоже он / Не так давно...» (О. Фокина); «Что не дают ему, как надо, / Степана Разина сыграть» (А. Поперечный); «Смотрим, дух затаив, киноленту / Под названием: жизнь или смерть. / Пусть идет этот фильм без экрана — / На просмотре его вся страна. / Как талантливо, нет, гениально / Вы сыграли в нем роль Шукшина. / <...> / Быть собою — труднейшая роль!» (Б. Рахманин); «Он в мире ином обитает. / Он там, где дымятся пригорки, / Для съемки рвется фугас, / Лопахинская гимнастерка / На нем пропотела не раз. / <...> / Такие вот печки-лавочки, / Такие вот, брат, дела. / <...> / И слезы, как росы ранние, / Не обронит княжна / На атлас кафтана Разина, / <...> / Он к нам и другим прорвется, / <...> / И все-таки обойдется» (Г. Лутков); «В нем еще только рождается дерзкий Прокудин, / Бродит по-разински буйная голь-гольтьба. / Все впереди... Долго после последнего акта / Будут юпитеры сцену пустую слепить» (И. Пантюхов); «Умер Шукшин Василий — / Мастер большого кино. Отдано много усилий / Им для Отечества. Но... / „Лавочки-печки“, „Калина“... / <...> / Как-то открылся: „Степана / Разина жажду сыграть!“» (А. Марков); «Самый трагический миг в этом фильме («Они сражались за Родину». — Т. Б.) — / Тот, что остался за кадром: смерть Шукшина... / <...> / Не Шукшин, а Лопахин. Условность искусства. Кино. / И погиб не от пули. / <...> / Ну какая тут съемка, когда нет и часа до смерти! /

<sup>24</sup> <http://voznolog.ru/commentary.htm>

*Вот тебе и кино!»* (Ю. Окунев); *«... в роли парня-блатняжки / сретитировать смерть»* (В. Гордейчев); *«Игра и смерть... / Настал черед, Василий, — Последняя тебе дается роль. / <...> / Погас экран. / Не умирай, Василий! / Живи хоть так, / живи, / не умирай...»* (П. Перебейнос); *«Так и снимаются кинокартины: / роль превращается в боль»* (С. Мнацаканян) (Жил такой парень..., 2009, с. 9–124).

Как видим, литературный портрет Шукшина строится на символических деталях: скулы, кирзовые сапоги, калина, береза и др. Поэты отмечают знаковые в его биографии фильмы: пророческий «Калина красная», роковой «Они сражались за Родину», несбывшийся о Степане Разине.

В данном контексте очевидно, что интертекстуальность трансформируется в интратекстуальность (И. П. Смирнов), или *интекстуальность* (О. Ханзен-Лёве), т. к. функция текстовых переключек состоит не столько в смысловом различении, приращении смысла, сколько в создании единого мемориального свертхтекста о Шукшине. Сформулированная Высоцким матрица, по сути, выразила коллективное бессознательное — то, что все чувствовали. Траурная поэзия, с точки зрения семантики, синтактики и прагматики, отчасти наследует традиции похоронной лирики [Югай, 2016, с. 41]. Фольклорное бытование текста предполагает «всеавторство», набор речевых, образных, мотивных и пр. клише. В случае с литературным некрологом естественно, что источником повторяющихся элементов является реальность: факты биографии и особенности творчества.

Помимо обстоятельств игровой смерти в кинофильме и настоящей — в процессе съемки, в ряде текстов на первый план выдвигается малая родина, пространство детства и взросления Шукшина. Сибирь, Алтай, Сростки, Пикет, Чуйский тракт, Катунь — все эти топонимы мыслятся знаками Шукшина, который, в свою очередь, преобразуется в *genius loci* и туристический «бренд». Пространство воспринимается сквозь призму человека, подвергается антропологизации, т. е. становится геопоэтическим явлением.

Другой блок мотивов, общих для литературной шукшинианы, связан с осмыслением творческого метода писателя и режиссера. Пожалуй, первый литературный некролог, выражающий авторскую концепцию места Шукшина в пространстве культуры, был написан Е. Евтушенко. Стихотворение без заглавия было опубликовано в «Литературной России» почти сразу после смерти — 11 октября 1974 г. Через четыре года оно получило название «Памяти Шукшина». Евтушенко ассоциирует писателя с горбушкой черного хлеба *«с калиною красной вприкуску»* (Евгений Евтушенко, 1984, с. 82) — исконно народной, на *«закваске мужицкой»* (с. 82) пищей. Аналогия Евтушенко многослойна, отсылает к различным

культурным контекстам. Оппозиция «сдобной булки французской» (Евгений Евтушенко, 1984, с. 82) и куска хлеба содержит аллюзию на эпизод из «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо, где герой вспоминает о том, как одной французской принцессе доложили, что у крестьян нет хлеба, а она ответила: «Пускай едят бриоши!»<sup>25</sup>) (Жан-Жак Руссо, 1961, с. 238). Крылатая фраза «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные!» стала символом отдаленности власти от проблем народа. В контексте стихотворения речь идет об отрешенности изящного элитарного искусства от подлинных нужд и чаяний страдающих людей («вдов», «калек», «сирот») (Евгений Евтушенко, 1984, с. 82). Между тем творчество Шукшина способно утолить культурный голод самых широких слоев общества и в этом качестве уподоблено евангельскому чуду насыщения народов хлебом. Тем самым подспудно устанавливается параллелизм Шукшина с Христом, подкрепленный мотивами борьбы с фарисейством («Нам с ложью не житься») (Евгений Евтушенко, 1984, с. 82), пленения и мученической смерти («И сердце как сокол, / Как связанный Разин Степан») (Там же, с. 82).

В 1976 г. Е. Евтушенко написал еще один литературный портрет Шукшина — «Галстук-бабочка», где вновь обратился к оппозиции «элитарное — народное искусство», сменив кулинарный код на вестиментарный. Причем очевидной стала принадлежность самого Евтушенка к полюсу «французской булки»: на лирическом субъекте — галстук-бабочка, а на «Шукшине» — кирзовые сапоги. Столичный «пижон» оказывается мнимым: «Ты — со станции Зимы<sup>26</sup>, / а с такой фитюлькой!» (Евгений Евтушенко, 1984, с. 156), — упрекает «Шукшин», никогда, кстати, галстуков не носивший<sup>27</sup>. Конфликт к общему удовольствию разрешается тем, что собутыльники снимают знаковые элементы костюма — эстетскую бабочку и кирзовые сапоги. Знаменитая деталь шукшинского образа была выбрана им сознательно еще в студенчестве как выражение принципиальной жизненной позиции — символическое «возвращение» в Русь. По тонкому замечанию Б. Ахмадулиной, это было «утверждение нравственной и географической принадлежности, объявление о презрении к чужим порядкам и условностям» (цит. по: [Разувалова, 2015, с. 112]). Частичное разоблачение — «ноги босиком / и босая шея» (Евгений Евту-

<sup>25</sup> Булки из сдобного теста.

<sup>26</sup> Станция Транссибирской железной дороги и город, место рождения Е. Евтушенко (по другим данным — г. Нижнеудинск). Ей посвящена поэма «Станция Зима» (1953–1956), топоним упоминается и в других стихотворениях поэта.

<sup>27</sup> О семиотике поведения и костюма писателей-«деревенщиков» см.: [Разувалова, 2015, с. 108–116]. О диалектике внутреннего и внешнего (шляпа, галстук и др. вещи) в мимовоззрении и художественном мире В. М. Шукшина см.: [Куляпин, 2022].

шенко, 1984, с. 157) — знаменует отказ от масок, возвращение к искреннему человеческому общению.

Следует отметить, что обозначенный в стихотворении мотив обнажения опирается не только на жизненный факт (по крайней мере, на этом настаивает автор), но и на типичную мотивику (кино) творчества Шукшина. Так, в «Калине красной» Егор Прокудин, приехав в город, «шикарно» одевается: «... в новеньком костюме, при галстуке, в шляпе» (Василий Шукшин, 2014, с. 237). Городские аксессуары становятся сквозными деталями его образа, выражают претензию на высокий статус, не без иронии озвученную героем: «Вон я какой — в шляпе, при галстуке... <...> Чем не прокурорский сын?» (Там же, с. 249). Изменения в душе Егора сопровождаются символическим отказом от вещей-знаков: «Снял с себя галстук, надел одной (березке. — Т. Б.) — особенно красивой, особенно белой и стройной. Потом увидел рядом высокий пенек, надел на него свою шляпу...» (Там же, с. 251). Сапоги и ботинки снимают герои в финале «Печек-лавочек» и «Чудика», мечтает скинуть туфли и рубашку учитель из рассказа «Дебил». Мотив переодевания в художественном мире Шукшина связан с событием «внутреннего освобождения», «самоидентификации героя», «отказа от земных благ и возвращения к естеству, к „истокам“» [Куляпин, Тевс, 2006, с. 116]. Именно этот смысл актуализирован Евтушенко в стихотворении «Галстук-бабочка», но в связи не с героями произведений, а с их автором. Текст завершает фраза, возвращающая к мортальной тематике: «Боже мой, как все легко, / если где-то далеко / слава, смерть, бессмертье...» (Евгений Евтушенко, 1984, с. 157). Здесь исподволь намечается тема, в дальнейшем реализованная в коммеморативных практиках вокруг Шукшина. Слава и бессмертье противопоставлены живому человеку, т. е. процесс запечатления творческого субъекта в культуре предполагает обратный, по сравнению с логикой стихотворения, сюжет — не **разоблачение**, отказ от наносных смыслов, но **облачение**, наделение ролями, масками, с легкостью опознаваемыми эмблемами.

Владимир Высоцкий как-то отозвался о первом «шукшинском» стихотворении Евгения Евтушенко: «...несколько очень хороших строк было. Но они были такие „однодневные“ стихи, под впечатлением» [Крылов, Кулагин, 2010, с. 269]. Сложно сказать, несовершенство ли текста, неочевидность ли для читателей подтекстового слоя некролога Евтушенко сыграли роль, но в дальнейшем из всего многообразия смыслов востребованной оказалась лишь концепция Шукшина — всенародного автора, наследника есенинской традиции. В мемориальных произведениях В. Шукшин выводится как продолжатель не только С. Есенина, но и М. Ломо-

носова, Ф. Достоевского, Л. Толстого, как автор, одноприродный Н. Рубцову. Действительно, судьбы, мировоззрение и творческие миры указанных и не упомянутых в стихотворениях авторов (и персонажей) находят многочисленные переключки в жизненной стратегии и поэтике Шукшина, о чем написаны специальные работы литературоведов [Куляпин, Левашова, 1998; Левашова, 2001; 2014; Глушаков, 2018; Богумил, 2020].

В поминальной лирике обозначается проблема дальнейшего существования традиции, оборванной безвременным уходом Шукшина: «... он сменился с отчаянной вахты, / И не известно, кому на нее заступать...» (И. Пантюхов) (Жил такой парень..., 2009, с. 76). Эта проблема решается двояко. Во-первых, на призыв В. Высоцкого «Останься живым!» (Владимир Высоцкий, 2012, с. 72) поэты откликаются утверждением вечного существования таланта: «Жив Шукшин. Только жив по-другому» (А. Хаустов) (Жил такой парень..., 2009, с. 92); «Твоих, Россия, сыновей / И смерть сама ведет в бессмертье» (С. Макаров) (Там же, с. 107). Во-вторых, и в художественных, и в публицистических работах многочисленны утверждения писателей, особенно сибирских и алтайских, что они и есть продолжатели Шукшина. Например: «Вдруг повеzet — пройду по следу / Что здесь оставил мой земляк» (А. Жуков) (Жил такой парень..., 2009, с. 79).

В этом контексте любопытны исключительные моменты отказа от наследования. Так, в стихотворении В. Н. Токмакова, посвященном «Светлой памяти Н. Рубцова и В. Шукшина», аллюзивно обыгрывается «костюмный» мотив литературной преемственности: «Все мы вышли из гоголевской „Шинели“»<sup>28</sup>. У Токмакова «отец» дарит пиджак сыну, однако вещь не подходит: «Как одену — все не так. / <...> / Видно, время мне пришло / жить своим умом» (Владимир Токмаков, 1994, с. 9). Мысль авангардно настроенного поэта вторит теории формалистов, согласно которой «говорить о преемственности приходится только при явлениях школы, эпигонства, но не при явлениях литературной эволюции, принцип которой — борьба и смена» [Тынянов, 1977, с. 258], «борьба с отцами, в которой внук оказывается похожим на деда» [Тынянов, 1977, с. 182], «наследование ... идет не от отца к сыну, а от дяди к племяннику» [Шкловский, 1990, с. 120]. Позиция Токмакова выглядит более честной на фоне дружного восхваления Шукшина и «примазывания» подражателей к статусному предшественнику, чего не избежала поминальная лирика о Шукшине.

<sup>28</sup> Об истории крылатой фразы см.: [Душенко, 2019].

Об обратной стороне коммеморативных практик высказался известный воронежский поэт В. Гордейчев в стихотворении «Памяти мастера»: «... стал в стихах повсеместным / персонажем Шукшин. / В скольких рифмах привязан он / к бытовому нитью / <...> / Всем бы горестно-немо / молкнуть нам оттого, / что стихи и поэмы / не поднимут его» (Жил такой парень..., 2009, с. 109–110). Пожалуй, первым поэтом, негативно оценившим стремительно увеличивающийся поток интервью, воспоминаний, художественных произведений о Шукшине, оказался Р. Рождественский. В стихотворении «Памяти Василия Шукшина» отсутствует литературный портрет умершего современника. Единственное, что указывает на него — это заглавие и словосочетание «алтайская порода» (Роберт Рождественский, 1985, с. 219). Весь текст — это гневная инвектива, направленная против «хвалебного воя», «взыгравшего пыла», «поминных застолий», «посмертных восторгов» (Роберт Рождественский, 1985, с. 219) всех тех, кто бурно оценил Шукшина только после его ухода — против «надгробных дружков» (Там же, с. 220). Позже новосибирец Б. Мурашкин в стихотворении о Шукшине написал: «Белов, Астафьев суть сказали, / Они отважились посметь: „В России, чтоб талант признали, / Сначала надо — умереть»» (Жил такой парень..., 2009, с. 95). Поэт солидаризируется с горьким высказыванием В. Астафьева о Н. Рубцове: «В России почти всегда посмертная судьба поэта удачливей прижизненной» (Виктор Астафьев, 2000, с. 7).

На сегодняшний день, когда острота реакции на безвременный уход Шукшина спала, появление новых мемориальных стихотворений, особенно в т. н. «наивной литературе», часто свидетельствует не столько об искреннем переживании утраты, о глубинном понимании творческого мира писателя и режиссера, сколько о соблюдении своего рода ритуала, формальном жесте. Коммеморативные практики сменили свою направленность: важно не запечатлеть память о Шукшине, а отметить себя в контексте знаменитости, подобно тому, как вандалы-туристы подписывают выдающиеся природные и культурные объекты, мол «я там был». Так личность Шукшина окончательно объективируется, превращается в артефакт, памятник самому себе.

### Библиографический список

Богумил Т. А. Лики В. М. Шукшина: Мартин Иден — Гамлет — Степан Разин // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 4 (39). DOI: 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.008

Глушаков П. С. Очерки творчества В. М. Шукшина и Н. М. Рубцова: классическая традиция и поэтика. Рига, 2009.

Глушаков П. С. Шукшин и другие: статьи, материалы, комментарии. СПб., 2018.

Громова А. В. Жанровые разновидности литературного портрета в наследии Б. К. Зайцева // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 7 (63).

Душенко В. В. Все мы вышли из гоголевской «Шинели» // Цитата в пространстве культуры: из истории цитат и крылатых слов. М., 2019.

Завгородняя Н. И. Шукшинский миф в алтайской поэзии // Язык и литература в поликультурном пространстве: проблемы, идеи, тенденции развития. Актобе, 2021.

Кадоchnikова С. А. Жанр некролога в авторской песне // Новый филологический вестник. 2018. № 1 (44).

Каминский П. П. В. М. Шукшин в публицистике С. Залыгина, В. Распутина и В. Астафьева // Творчество В. М. Шукшина в межнациональном культурном пространстве. Барнаул, 2009.

Карпова Г. И., Инякина Н. М. Личность и творчество В. М. Шукшина в оценках кемеровских поэтов (М. А. Небогатов, И. М. Кисилев, В. М. Баянов, В. М. Ширяев) // Традиции творчества В. М. Шукшина в современной культуре. Барнаул, 2014.

Картаусова Н. В. Некролог как своеобразная форма литературного портрета // Ценности и смыслы. 2010. № 6 (9).

Крылов А. Е., Кулагин А. В. Высоцкий как энциклопедия советской жизни. Комментарии к песням поэта. М., 2010.

Куляпин А. И. Идеиная структура рассказа В. М. Шукшина «Внутреннее содержание» // Филология и человек. 2022. № 1. DOI: 10.14258/filichel(2022)1–12

Куляпин А. И., Левашова О. А. В. М. Шукшин и русская классика. Барнаул, 1998.

Куляпин А. И., Тевс О. В. Переодевание // Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник: в 3 т. Т. 2. Барнаул, 2006.

Левашова О. Г. Биографический текст В. М. Шукшина: модели описания // Традиции творчества В. М. Шукшина в современной культуре. Барнаул, 2014.

Левашова О. Г. В. М. Шукшин и традиции русской литературы XIX в. (Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой). Барнаул, 2001.

Ничипоров И. Б. Василий Шукшин и Владимир Высоцкий: параллели художественных миров // Шукшинские чтения. Феномен Шукшина в литературе и искусстве второй половины XX века. Барнаул, 2004.

Новиков В. И. Василий Шукшин и Владимир Высоцкий: мифология и реальность // Традиции творчества В. М. Шукшина в современной культуре. Барнаул, 2014.

Огнева Е. В. Образ В. М. Шукшина в кинодокументалистике // Текст: проблемы и методы исследования. Барнаул, 2009.

Разувалова А. И. Писатели-«деревенщики». М., 2015.

Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М., 2000.

Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

Шкловский В. Б. Гамбургский счет. М., 1990.

Югай Е. Помянуть стихами: коммеморативная наивная поэзия // Археология русской смерти. 2016. № 3.

### Источники

Астафьев В. П. Затеси. Из тетради о Николае Рубцове // Новый мир. 2000. № 2.

В. М. Шукшин: биобиблиографический указатель. Барнаул, 2018.

Вознесенский А. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М., 2001.

Высоцкий В. С. Ловите ветер всеми парусами! СПб., 2012.

Евтушенко Е. А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Стихотворения и поэмы, 1973–1983. М., 1984.

Жил такой парень...: сб. воспоминаний и стихотворений о Шукшине. Белокураха, 2009.

Рождественский Р. И. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Стихотворения; Поэмы; Песни. 1970–1985. М., 1985.

Руссо Ж. Ж. Избранные сочинения: в 3 т. Т. 3: Исповедь; Прогулки одинокого мечтателя. М., 1961.

Токмаков В. Н. Стихи светлой памяти Н. Рубцова и В. М. Шукшина // Ликбез. 1994. № 7.

Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. Барнаул, 2014.

### References

Bogumil T. A. *Liki V.M. Shukshina: Martin Iden — Gamlet — Stepan Razin*. [Liki V.M. Shukshina: Martin Eden — Hamlet — Stepan Razin]. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki*. [Actual issues of modern philology and journalism]. 2020. No. 4 (39). DOI: 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.008

Dushenko V. V. *Vse my vyshli iz gogolevskoy «Shineli»*. [We all came out of Gogol's «Overcoat»]. In: *Tsitata v prostranstve kultury: iz istorii tsitat i krylatykh slov*. [Quotation in the space of culture: from the history of quotations and winged words]. Moscow, 2019.

Glushakov P. S. *Ocherki tvorchestva V.M. Shukshina i N.M. Rubtsova: klassicheskaya traditsiya i poetika*. [Essays about the work of V.M. Shukshin and N.M. Rubtsov: classical tradition and poetics]. Riga, 2009.

Glushakov P. S. *Shukshin i drugie: stat'i, materialy, kommentarii*. [Shukshin and others: articles, materials, comments]. St. Petersburg, 2018.

Gromova A. V. *Zhanrovyye raznovidnosti literaturnogo portreta v nasledii B. K. Zaytseva*. [Genre varieties of literary portrait in B. Zaitsev's heritage]. In: *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. [Tambov University Review. Series: Humanities]. 2008. No. 7 (63).

Kadochnikova S. A. *Zhanr nekrologa v avtorskoy pesne*. [The Genre of the obituary in the author song]. In: *Novyy filologicheskiy vestnik*. [The New Philological Bulletin]. 2018. No. 1 (44).

Kaminsky P. P. *Shukshin v publitsistike S. Zalygina, V. Rasputina i V. Astaf'eva*. [V. M. Shukshin in the journalism of S. Zalygin, V. Rasputin and V. Astafiev]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina v mezhnatsional'nom kul'turnom prostranstve*. [V. M. Shukshin's work in the interethnic cultural space]. Barnaul, 2009.

Karpova G. I., Inyakina N. M. *Lichnost' i tvorchestvo V. M. Shukshina v otsenkakh kemerovskikh poetov (M. A. Nebogatov, I. M. Kisilev, V. M. Bayanov, V. M. Shiryaev)*. [Personality and creativity of V. M. Shukshin in the assessments of Kemerovo poets (M. A. Nebogatov, I. M. Kisilev, V. M. Bayanov, V. M. Shiryaev)]. In: *Traditsii tvorchestva V. M. Shukshina v sovremennoy kul'ture*. [Traditions of V. M. Shukshin's creativity in modern culture]. Barnaul, 2014.

Kartausova N. V. *Nekrolog kak svoeobraznaya forma literaturnogo portreta*. [Obituary as a peculiar form of literary portrait]. In: *Tsennosti i smysly*. [Values and Meanings]. 2010. No. 6 (9).

Krylov A. E., Kulagin A. V. *Vysotskiy kak entsiklopediya sovetskoy zhizni. Kommentarii k pesnyam poeta*. [Vysotsky as an encyclopedia of Soviet life. Commentaries to the songs of the poet]. Moscow, 2010.

Kulyapin A. I. *Ideynaya struktura rasskaza V. M. Shukshina «Vnutrennee sodержanie»*. [The ideological structure of V. M. Shukshin's short story «Inscape»]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2022. No. 1. DOI: 10.14258/filichel (2022)1–12

Kulyapin A. I., Tevs O. V. *Pereodevanie* [Dressing up] In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: entsiklopedicheskiy slovar' — spravochnik* [Creativity of V. M. Shukshin: encyclopedic dictionary-reference book]. Barnaul, 2006. In 3 vols. Vol. 2.

Kulyapin A. I., Levashova O. A. *Shukshin i russkaya klassika* [V. M. Shukshin and Russian classics]. Barnaul, 1998.

Levashova O. G. *Biograficheskiy tekst V. M. Shukshina: modeli opisaniya*. [Biographical text of V. M. Shukshin: description models]. In: *Traditsii tvorchestva V. M. Shukshina v sovremennoy kul'ture*. [Traditions of V. M. Shukshin's creativity in modern culture]. Barnaul, 2014.

Levashova O. G. *Shukshin i traditsii russkoy literatury XIX v. (F. M. Dostoevskiy i L. N. Tolstoy)*. [V. M. Shukshin and the traditions of Russian literature of the XIX century (F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy)]. Barnaul, 2001.

Nichiporov I. B. *Vasilij Shukshin i Vladimir Vysotskiy: paralleli khudozhestvennykh mirov*. [Vasily Shukshin and Vladimir Vysotsky: parallels of artistic worlds]. In: *Shukshinskie chteniya. Fenomen Shukshina v literature i iskusstve vtoroy poloviny XX veka*. [Shukshin's Readings. The phenomenon of Shukshin in literature and art of the second half of the 20th century]. Barnaul, 2004.

Novikov V. I. *Vasilij Shukshin i Vladimir Vysotskiy: mifologiya i real'nost'*. [Vasily Shukshin and Vladimir Vysotsky: mythology and reality]. In: *Traditsii tvorchestva V.M. Shukshina v sovremennoy kul'ture*. [Traditions of V.M. Shukshin's creativity in modern culture]. Barnaul, 2014.

Ogneva E. V. *Obraz V.M. Shukshina v kinodokumentalistike*. [The image of V.M. Shukshin in documentaries]. In: *Tekst: problemy i metody issledovaniya*. [Text: problems and research methods]. Barnaul, 2009.

Razuvalova A. I. *Pisateli-«derevenshchiki»*. [Writers-«villagers»]. Moscow, 2015.

Shklovsky V. B. *Gamburgskiy schet*. [Hamburg account]. Moscow, 1990.

Tertychny A. A. *Zhanry periodicheskoy pechati*. [Genres of periodicals]. Moscow, 2000.

Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino*. [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow, 1977.

Yugay E. *Pomyanut' stikhami: kommemorativnaya naivnaya poeziya*. [Remember with verses: commemorative naive poetry]. In: *Arkheologiya russkoy smerti*. [Archeology of Russian Death]. 2016. No. 3.

Zavgorodnyaya N. I. *Shukshinskiy mif v altayskoy poezii*. [The myth about Shukshin in the Altai poetry]. In: *Yazyk i literatura v polikul'turnom prostranstve: problemy, idei, tendentsii razvitiya* [Language and literature in a multicultural space: problems, ideas, development trends]. Aktobe, 2021.

#### List of sources

Astaf'ev V. P. *Zatesi. Iz tetradi o Nikolae Rubtsove*. [Zatesi. From a notebook about Nikolai Rubtsov]. In: *Novyy mir*. [New World]. 2000. No. 2.

Evtushenko E. A. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. Moscow, 1984. In 3 vols. Vol. 3.

Rousseau J. J. *Izbrannye sochineniya*. [Selected works]. Moscow, 1961. In 3 vols. Vol. 3.

Rozhdestvenskiy R. I. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. Moscow, 1985. In 3 vols. Vol. 3.

Shukshin V. M. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. Barnaul, 2014. In 9 vols. Vol. 6.

Tokmakov V. N. *Stikhi svetloy pamyati N. Rubtsova i V. Shukshina*. [Poems of blessed memory of N. Rubtsov and V.M. Shukshin]. In: *Likbez*. [Likbez]. 1994. No. 7.

*V. M. Shukshin: biobibliograficheskiy ukazatel.'* [V. M. Shukshin: biobibliographic index]. Barnaul, 2018.

Voznesensky A.A. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. Moscow, 2001. In 5 vols. Vol. 2.

Vysotsky V.S. *Lovite veter vsemi parusami!* [Catch the wind with all your sails!]. St. Petersburg, 2012.

*Zhil takoy paren'...: sbornik vospominaniy i stikhotvoreniy o Shukshine*. [There lived such a guy ...: Collection of memoirs and poems about Shukshin]. Belokurikha, 2009.